УДК 159.9

А. А. Фёдоров [1], **А. И. Васильев** [2]

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: [1] fedleks@yandex.ru; [2] mail8295@gmail.com

ПСИХИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: 20 000 ЛЬЁ ПОД ВОДОЙ

В статье в диалоговой форме рассматривается проблема психической реальности в контексте связанных с нею проблем (таких как проблема места психологии в системе научного знания, проблема предмета психологии и проблема соотношения психического и физического).

Ключевые слова: психическая реальность, материальное, идеальное, дуализм, монизм.

Предисловие

Психология обречена… К этому выводу придет всякий, кто думает над тем, как размышляют о своей науке психологи. Следуя внешним правилам научного исследования, психологи, не как индивидуумы, но как класс, так и не смогли выработать в себе необходимое каждому ученому качество, которое Фейнман назвал «научной честностью» [2008]. Оно подразумевает, что мы должны не просто сообщать об экспериментах и своих интерпретациях, но также и обо всем том, что может сделать наш эксперимент несостоятельным, а нашу интерпретацию ложной. Цель любого ученого состоит не в создании научной теории или выдумывании нового термина, но в поиске истины. Цели психолога, напротив, почти никогда не связаны с поиском истины, а заключаются, как правило, в выдумывании чего-то (от отдельного конструкта до целой теории), что до него еще никто не выдумал. От того так популярны в психологии ссылки на постнеклассическую науку или постмодернизм, поскольку они *оправдывают* такой подход к науке. Отчаявшись создать классическую науку, психология жадно хватается за любые концепции, позволяющие ей не быть таковой.

Редким примером психолога, обладающего научной честностью, был Толмен. Он честно писал о своей теории: «Должен признаться, что по мере углубления в работу я все более увлекался системой, хотя и теперь вижу ее многие слабые места. Возможно, система и не подходит под окончательные каноны научной процедуры. Но меня это не особо волнует… В конце концов, единственный определенный критерий – это развлечение. И я развлекался» [Tolman, 1959. P. 152]. Развлечение, а не истина, – вот цель теории Толмена, и нужно отметить, что только обладая изрядным чувством юмора, можно признать это. Но огромное число психологов, закрывая глаза на тысячи мелких и крупных противоречий, с убийственной серьезностью рассуждают о когнитивных стилях, силе сверх-Я, архетипах, духовном интеллекте и прочих вещах, сомнений в существовании которых гораздо больше, нежели доказательств их реальности. Психологи строят свои шаткие концепции, претендуя на *научное* описание работы сознания, не имея смелости и честности признать, что поиск истины здесь совсем ни при чем. И даже развлечение, которое, заметим, вполне достойный спутник в поиске истины. Психологи охотятся за степенями, дурной, за пределами психологии, славой и деньгами.

Одним из таких выдуманных конструктов является сакральная для многих психологов сущность, именуемая «психическая

© А. А. Фёдоров, А. И. Васильев, 2011

реальность». Мы представляем нижеследующий диалог, будучи убежденными, что только *свободная* дискуссия избавит психологию от ложных проблем и позволит ей, прервав, наконец, многовековую агонию, упокоиться с миром. А то, придет ли другая наука ей на смену или *научные* проблемы психологии будут решать ныне существующие дисциплины, – тема отдельной беседы.

Действующие лица

г-н Невежество
г-н Сомнение

Г-н Невежество: В веселые времена мы с вами живем, друзья мои! Нельзя ли сказать, что наука, выйдя к берегам незнания, отшатнулась в испуге и смотрится в зеркало, безуспешно пытаясь понять, что с нею не так? Ибо стало неясно, что является истинным, а в такой ситуации истинно и все, и ничего, вместе и одновременно. Ну не забавно ли?

Г-н Сомнение: Забавно, мои друзья, и в самом деле забавно. Сколько усилий было предпринято человечеством, чтобы отыскать истину, и все для того, чтобы мы могли помножить их на ноль, объявив истину миражом? Так ли это, нам еще предстоит обсудить, но если и так, то я предпочту быть путником в пустыне, который идет к неясному образу, тающему на горизонте, а не праздным бездельником, отказавшимся идти вперед лишь потому, что он не уверен, есть ли конец у его пути.

Г-н Невежество: Модернизм не сдает своих позиций, не так ли? И даже делает успехи. Биологи создают в пробирке новые виды живых существ, математики на коленке вычисляют природу Вселенной, а физики вот-вот разберутся с гравитацией. А что же гуманитарные науки? Вот где пропасть бездельников! Похоже, из этих наук только филология достойна таковой называться.

Г-н Сомнение: Возможности модернизма еще не исчерпаны. Да и сам термин подразумевает, что мы всегда живем в эпоху модернизма, те же, кто не признает этого, просто эскаписты. Стоит ли удивляться, что именно гуманитарные науки дали им кров? Вполне закономерная ситуация: естественные науки изучают реальность, а гуманитарные – бегут от нее.

Г-н Невежество: Что же изучают последние? Ведь чтобы именоваться наукой, недостаточно быть отраслью прикладной филологии. Нужно иметь в руках некий предмет, не правда ли? И, ухватившись покрепче, воздействовать им на какой-то другой, дабы практикой проверить правоту наших суждений.

Г-н Сомнение: Нельзя не признать правоту твоего последнего утверждения, мой друг. Интеллектуальное наследие марксизма незаслуженно оказалось забыто, но чем, кроме практики, проверить истинность суждения? А предмет современных гуманитарных наук – словесная эквилибристика, и в этом смысле они действительно представляют собой отрасли прикладной филологии. Они не познают реальный мир, а создают собственную реальность, мало заботясь соотнесением полученной конструкции с действительностью. И разве психическая реальность реальнее дымки слов, из которых она соткана?

Г-н Невежество: Как не вспомнить незабвенное «идеи становятся материальными, когда они овладевают сознанием масс». Не является ли сама психическая реальность плодом внушения со стороны психологов сродни гипнотическому? Причем каждый внушает что-то свое, превращая население в разнообразнейших зомби. Да это просто фильм ужасов какой-то! Вампиры и оборотни заражают людей, превращая их в себе подобных. Или лучше назвать это психологическим триллером о непростых взаимоотношениях разных школ? Впрочем, похоже, они уже давно поладили между собой.

Г-н Сомнение: То, что психологические школы прекрасно ладят с собой и, более того, вступают в брачные отношения и приносят потомство, наводит на интересные размышления. Во-первых, между разными парадигмами в психологии различий много больше, чем, скажем, между лошадью и ослом, а между тем мул, дитя осла и лошади, как правило бесплоден. А потому не стоит надеяться на то, что скрещивание различных психологических школ, будь то эклектика или интеграция, способно вывести психологию из кризиса. Любые такие гибриды в научном смысле стерильны.

Г-н Невежество: Истина где-то рядом. Неужто все это было зазря, и нам даже не стоит надеяться на то, что в психологии появится свой Эйнштейн, который наконец

расставит все по местам? Как не хочется признавать, что психология – лишь досужие выдумки, недонаука, место которой – в музее забавных казусов! Любовь и ненависть – нечто большее, чем просто химические реакции, а мысль уж подавно.

Г-н Сомнение: Никто и не пытается свести любовь к химии. Хорошая психология – это всего лишь плохая поэзия. Плохая – по причине языка психологии. Он не только лишен связи с познаваемой реальностью, что отличает его от языков естественных наук, но и крайне беден – в отличие от языка поэзии. Пожертвовав выразительностью, язык психологии не приобрел строгости. Он не только не подходит для *описания* богатства и глубины человеческой жизни, но и совершенно не приспособлен для ее *объяснения*. Взять хотя бы звездное небо. Кто лучше поэта опишет его? Кто лучше поэта выразит чувства, охватывающие нас, когда мы смотрим в глубины космоса? Но поэт не объяснит, почему звезды мерцают или то, почему они разного цвета – в этом случае научный язык гораздо более точен. То, что звездное небо – сложная система элементарных частиц, не мешает влюбленным им наслаждаться. Так почему нас должно пугать, если вдруг любовь окажется-таки химической реакцией? Разве станет она от этого менее прекрасной, менее злой, менее сильной? Даже если когда-нибудь биологические науки *объяснят* любовь, поэзия все равно может оказать лучшим языком для ее *описания* и *понимания*. И вызов, который бросает естественная наука современной психологии, состоит в том, сможет ли язык научной психологии объяснить человеческую жизнь лучше, чем язык естествознания (в которое стоит включить и строгие бихевиористские концепции).

Г-н Невежество: А не является ли любовь наряду с прочим не самим событием мозговой физиологии, а его следствием или хотя бы спутником? Готов признать ее материальность в этом смысле. Что же тогда, помимо химических реакций, составляет суть любви? Нечто такое, что находится внутри человеческой головы, но не в буквальном, а в метафорическом плане. Все ли законы любви основаны на простом следовании тому, что происходит в черепной коробке? Не имеется ли тут и обратной зависимости, когда происходящее перед внутренним взором влияет на процессы, происходящие в организме? Признав это, мы сделаем первый шаг на пути утверждения психической реальности в качестве причины неких событий, а значит, и признания ее существования, покоящегося на неких собственных законах.

Г-н Сомнение: Есть основания полагать, что подобная «материальность» вовсе не материальность. Если мы исходим из принципа единства всего существующего, который является фундаментальным для любой монистической системы, то мы должны признать, что наша внутренняя жизнь устроена так же, как и все явления окружающего мира (с точки зрения современной физики, внутренняя жизнь, таким образом, есть система элементарных частиц, из которых состоят поля и вещество). Если же явление внутренней жизни, та же любовь, есть нечто иное, тогда она либо не является материальным феноменом (я предпочитаю термин «физический»), либо наши представления о материальном нуждаются в пересмотре. Признавая любовь не физическим событием, а его следствием или спутником, мы, вне всяких сомнений, делаем шаг на пути утверждения психической реальности, но одновременно становимся на позицию дуализма. Признав же последний, нет никаких логических основания не признать существование третьего, четвертого и далее видов реальности (наряду с физической и ментальной). Вспоминая слова Азимова в романе «Сами боги», можно сказать, что это вытекает из очевидного факта, что число «два» бессмысленно.

Г-н Невежество: Разве любовь есть лишь коловращение атомов? Разве признать существование чего-либо, кроме физических явлений, означает встать на позицию философского дуализма или даже плюрализма? Ведь для этого нужно еще сказать, что нефизическая реальность существует безотносительно физической, а ведь это не так. Физики вот даже самое физическую реальность признали относительной: корпускула может вести себя, как волна, и наоборот, в зависимости от способа познания. Уму непостижимо! Это явление прозвано дуализмом, но никто не говорит о том, что волны и частицы суть безотносительно друг к дружке существующие субстанции, или отдельные реальности в фундаментальном смысле этого слова. То же, по всей видимости, и с любовью, которая может быть как

метаболитическим процессом, так и глубоким чувством. Это может быть поводом для признания двух ипостасей любви, использования таких словосочетаний, как «психогуморальный дуализм», но не для обоснования ее независимости от телесной природы человека, не для принятия философского дуализма. Это будет выводом чересчур уж смелым.

Г-н Сомнение: Строго говоря, все так и есть: признание существования чего-либо, кроме физических явлений, означает принятие дуалистической или плюралистической позиции. При этом нет никакой необходимости признавать независимость ментального от физического: достаточного того, что есть и физические, и ментальные явления. Даже если мы признаем полную зависимость ментального от физического, мы все равно останемся на позициях дуализма, поскольку не отрицаем самого факта существования ментальных явлений. Что же касается корпускулярно-волнового дуализма, то в нем самое замечательное то, что он представляет теперь лишь исторический интерес. Физики уже давно не описывают поведение квантовых объектов в терминах «частицы» и «волны», поскольку последние были лишь более или менее удачными метафорами, а метафорическое описание – лишь одна из остановок на пути к *точной* интерпретации. В современной физике доминирует формулировка квантовой теории через интегралы по траекториям, которая не требует использования классических понятий «частицы» или «волны». Иными словами, более полное понимание природы квантовых объектов позволило избавиться от горького привкуса дуализма. Не таков ли истинный путь психологии? Когда мы действительно узнаем, что такое любовь, нам не будет нужды объяснять ее и как метаболический процесс (нечто физическое), и как глубокое чувство (нечто ментальное). Полное научное *объяснение* природы любви будет монистическим, что, конечно, нисколько не помешает и впредь *описывать* ее на языке поэзии.

Г-н Невежество: Похоже, наш диалог набрел на неразрешимое, по всей видимости, противоречие. Я предполагаю, что психическая реальность существует, мой собеседник связывает этот тезис с дуализмом и на этом основании отрицает его, утверждая взамен, что не существует ничего, помимо физических явлений. Что же представляет собой физическое явление? И что же означает «существовать»? Может статься, никаких разногласий между нами не существует (хотя бы потому, что они не относятся к классу физических явлений).

Г-н Сомнение: Не могу не признать, что путь наш нельзя назвать прямым, а те тропинки, по которым мы иногда уходим с главной дороги, часто ведут в никуда. Позволь мне, друг мой, попытаться назвать эти тупики. Во-первых, не стоило нам вспоминать о корпускулярно-волновом дуализме. Как и многие метафоры, она не обязательно является плодотворной. Поймем ли мы лучше, что есть любовь, если просто укажем на феномен, двойственность которого *кажущимся образом* напоминает двойственность любви? Является ли электрон одновременно и волной, и частицей, не так уж и важно в контексте нашего разговора: я *чувствую*, что даже если и так, это двойственность иного порядка. Да и сами физики по этому поводу испытывают сомнение. В одной из недавно встреченных мной интерпретаций эта дилемма решается так: электрон – частица, но вероятность ее обнаружения задается волновой функцией. Во-вторых, mea culpa, зря вспомнили мы и о дуализме вообще, ведь, право, я последний человек, который скажет, что мы не мыслим, не любим и не жаждем. В этом смысле я признаю существование психических явлений, но пока опасаюсь использовать термин «психическая реальность». Я лишь хочу понять, являются ли они явлениями иного порядка, нежели физические явления в широком смысле. Мы все признаем существование химических реакций и обменных процессов, но будем ли мы возражать, что и те, и другие относятся к физическим явлениям (или, если угодно, материальным)? Когда мы говорим, что химическая реакция может быть описана в понятиях квантовой физики, мы не говорим, что физическим явлениям сопутствуют (или следуют за ними) химические: в таком описании они сливаются друг с другом. Так необходимо ли нам, если мы описываем любовь на языке биологии, говорить, что биологическим явлениям сопутствуют (или следуют за ними) явления психические?

А твой вопрос, мой друг, о том, что означает «существовать», позволь пропустить мимо ушей, ибо не в моих силах на него ответить.

Г-н Невежество: Если мы все же признаем существование и психических явлений, и физических, то, пожалуй, и мне следует скорректировать свое мнение во избежании односторонности нашего диалога. «Платон мне друг, и это единственное, что я знаю», – так я бы соединил известные изречения Сократа и Аристотеля.

Поскольку реальность (как предмет, а не свойство) – это совокупность существующего, то, соглашусь, мы имеем реальность в единственном экземпляре: ведь нельзя же сказать, что есть нечто существующее и помимо того, что обладает существованием. Ввиду этого я, во всяком случае временно, отказываюсь признавать термин «психическая реальность». К тому же, это ведет к отказу и от термина «физическая реальность», поскольку, как следует из промежуточных итогов нашей беседы, существуют явления не только физические.

Так же интересным представляется другое следствие: если материя – это то, что существует в реальности, то психические явления – материальны, ведь, судя по всему, последние все же реально существуют. Реальность и материя неразделимы: выражение «материальная реальность» по мне есть плеоназм, а «нематериальная реальность» – оксюморон. Кстати, эти фигуры речи, не всегда будучи нечаянными огрехами, имеют некоторое отношение к поэтическому искусству…

Г-н Сомнение: Согласен, мой друг. Реальность не нуждается в дополнительных атрибутах, поскольку любой из них лишь увеличивает неопределенность в содержании термина. И, безусловно, ты прав, говоря, что «материальная реальность» (равно как и «физическая реальность» в широком смысле) есть плеоназм. Если материя – это то, что существует, то знание о материальности объекта ничего не прибавляет к пониманию его природы.

Итак, психические явления реальны, и реальность их материалистами не оспаривается. Но не имеют ли понятия и концепции, описывающие ее, сходство с гипотезой флогистона. Последняя также претендовала на объяснение вполне реальных реакций горения, но тем не менее с развитием химии была отвергнута как ложная. Так не являются ли столь же ошибочными сами понятия, при помощи которых мы пытаемся описывать психические явления? Не может ли оказать так, что ощущения, восприятие и мышление суть флогистон психологии? И если это так, не стоит за них цепляться. Отказ от теории флогистона не сделал реакции горения менее реальными. Равным образом отказ от «современного» терминологического аппарата психологии не скажется на реальности психического. Заметь, я не зря закавычил атрибут «современный». Теория флогистона существовала менее столетия, а психология до сих пор использует, по большому счету, все те же понятия для описания психических явлений, что и древние греки более двух тысячелетий назад.

Г-н Невежество: По поводу того, что материальность объекта ничего не прибавляет к знанию о нем, разреши не согласиться. С понятием материи ассоциирован важный атрибут – независимость от воспринимающего сознания. Господин Фрейд согласится со мной в том, что многие психические явления существуют независимо от того, осознаются они или нет. Если мы желаем пролить свет на природу психического, будет не лишним учитывать это обстоятельство.

Другой атрибут материи, не столь очевидный, – это причинение. Если чему-либо не суждено стать причиной, то это эквивалентно его несуществованию. Не зря мы говорим, что если какое-то обстоятельство или предположение не несет в себе зародыша каких-нибудь следствий, то оно несущественно. По-видимому, одно психическое явление способно порождать другое, и именно эта связь должна стать первейшим предметом психологии, в то время как порождение психического непсихическим может стать предметом нейрофизиологии и других наук этого порядка. Для бихевиориста же, рассматривающего связь непсихического с непсихическим, вполне естественно склоняться к отрицанию психологии или даже к ее полному замещению наукой о связи стимулов и реакций. Кстати, что за наука может сосредоточиться на обуславливании непсихического психическим?

С тем же, что от многого в современной психологии придется отказаться, соглашусь полностью. Реальность едина, и эклектический подход, будучи вынужденным компромиссом, должен будет уступить свое место некой единой теории для явлений как психических, так и физических.

Г-н Сомнение: И снова мы попадаем в капкан вековых заблуждений. Начнем с того, что такой атрибут материи, как «независимость от воспринимающего сознания» раскалывает мир надвое. Если же мы согласились с тем, что реальность существует в единственном экземпляре, то нельзя предполагать независимости одних явлений от других, поскольку в этом случае мы, в действительности, говорим о том, что одно явление (в данном случае воспринимающее сознание) не может быть причиной для другого (некий материальный объект). А это, как ты верно заметил, эквивалентно тезису о несуществовании. Мы, конечно, можем замкнуть каузальные сети внутри сознания, сказав о том, что психические явления могут быть причинами только психических явлений, но тогда нам снова придется отвергнуть положение о единстве реальности.

Твое предложение сделать предметом психологии связь одних психических явлений с другими напоминает мне о Милле, который предлагал рассматривать в качестве предмета психологии законы, согласно которым одно психическое состояние идет за другим, вызывается другим или, по крайней мере, вынуждено за ним следовать. Законы, в которых состояние сознания является прямым следствием состояния тела, он, как и ты, относил к области физических наук. Что же касается обусловливания непсихического психическим, мне кажется, как бы странно это ни звучало, что в наши дни самым явным претендентом на эту область является парапсихология.

Проблема, на мой взгляд, заключается в том, что, в конечном итоге, не так уж и важно, чем занимается конкретная наука. Барьеры между научными дисциплинами условны, важен лишь сам поиск истины. Одним из симптомов смертельной болезни психологии является ее патологическая зацикленность на вопросе о том, что она *должна* изучать, а что нет. Можно даже предположить, что, отчаявшись найти предмет своей науки в реальности, психологи всеми силами пытаются его сконструировать.

(*Продолжение следует*)

Список литературы

Фейнман Р. Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман! М.: КоЛибри, 2008.

Tolman E. C. Principles of Purposive Behavior // Psychology: A Study of a Science. Study I / Ed. by S. Koch. N. Y.: McGraw-Hill Book Company, 1959. Vol. 2. P. 92–157.

Материал поступил в редколлегию 04.09.2011

A. A. Fedorov, A. I. Vasiliev

PSYCHIC REALITY: 20 000 LEAGUES UNDER THE SEA

Problem of psychic reality is considered in the paper in dialogue form within the context of related problems (such as the problem of position of psychology within the systems of the sciences, the problem of subject matter of psychology and the problem of relation between mental and physical).

Keywords: psychic reality, material, ideal, dualism, monism.